

МОЙ БРАТ

ИНА КВАРТИН
Иерусалим, Израиль

Мне повезло. Я родилась младшей. Всю мою жизнь был со мной старший брат. Он был совершенно особенным человеком, очень благородным и великодушным, чуждым пошлости и банальности. Когда я была ребенком, он посвящал мне много времени, в тот тяжелый период родители почти весь день должны были проводить на работе, и во многих семьях дети были предоставлены сами себе. А у меня дома был брат, который никогда не был для меня "няней" и никогда не создавал у меня ощущения, что я для него обуза. Нам было вместе интересно.

Я помню с каким удовольствием мы слушали радиопередачи. У нас не было заведено как в некоторых других семьях, что радио включено постоянно (позже, с распространением телевидения иногда также точно круглосуточно включен телевизор), Миша заранее просматривал радиопрограмму и отмечал стоящие передачи. Родителей, конечно, больше интересовали последние известия и особенно прогноз погоды, наверное потому что в последних известиях собственно информации не содержалось, а погода - тут хотя бы можно было сравнить прогноз с тем, что было на самом деле, но по-настоящему, времени слушать передачи у мамы с папой не было. Я, конечно, погодой не интересовалась, а только волновалась, как бы не пропустить время начала нашей передачи, нужно было успеть включить радиоприемник и настроить его на нужную станцию. Особенно мы любили радиопостановки, многих артистов сразу узнавали по голосам. Мы говорили потом с Мишей о том, что это особый вид искусства, требующий от артиста большого мастерства, т.к. нет других возможностей, таких как грим, костюм, движения и выражение лица, все надо передать только голосом. И от слушателя в отличие от зрителя, требуется большое воображение, чтобы домыслить себе то, что он не видит. Через много лет мы с Мишей вспоминали любимые радиоспектакли и таких артистов как М. Бабанова, З. Гердт, Р. Плятт, Кторов, Астангов,

Б. Фрейндлих, его дочь - А. Фрейндлих и др., которых мы с Мишей особенно любили.

Иногда мы вместе слушали репортажи с футбольных матчей, и тут тоже ведущий был важен, особенно запомнился Николай Озеров, но он фактически был настоящий артист. Миша не был заядлым болельщиком, хотя он, а за ним и я, любил команду Спартак. С его памятью он без особого труда запоминал игроков и мог оценить ситуацию и расклад сил в соревнованиях, объяснял мне, а потом, когда я тоже стала немножко разбираться в футболе, обсуждал со мной матчи. Но, конечно, больше чем футбол и возможно больше чем радиопостановки, Миша любил слушать музыку. Правда, репертуар на радио был не слишком разнообразным, классические произведения повторялись бесчисленное число раз, и хотя исполнение чаще всего было превосходным, но хотелось также услышать и что-то другое. Году в 56 - 58 в Москву приехала труппа из США, которая привезла оперу Гершвина "Порги и Бесс". Незадолго перед этим мы купили магнитофон, громоздкий, с большими катушками магнитной ленты, но это было событие, т.к. тогда редко у кого дома был магнитофон. Опера Гершвина транслировалась по радио, и Миша записал ее на магнитофон. Он рассказывал мне об этой уникальной труппе, состоящей из одних негритянских артистов, о Гершвине, его музыке и его судьбе, о джазе. Еще я помню примерно в те же годы в Москву на гастроли приезжала перуанская певица Имма Сумак, певица с голосом редкого диапазона, которая кроме народных песен имитировала также "голоса Амазонского леса". Ее концерт Миша тоже записал на магнитофон, и мы с ним иногда потом слушали эти записи, которые меня, маленькую, просто завораживали.

В конце концов, когда мы переехали в отдельную квартиру, где было больше места, мы тоже купили телевизор, но я совсем не помню Мишу, сидящим перед телевизором, только изредка, когда мы все вместе с папой смотрели какой-нибудь особенно интересный матч или произошло из ряда вон выходящее событие, как например, репортаж об убийстве Кеннеди. Через много лет, наверное уже здесь в Израиле, мы с Мишей обсуждали, что телевизор - это не просто пустая трата времени, но даже приносящая вред, настоящая дебилизация, действующая как наркотик, когда человек раз включив телевизор уже не в состоянии его выключить, переключает программы, смотрит одну передачу за другой. Особенно ужасно это для подростков, которые просто превращаются в манкуртов, описанных в повести Ч. Айтматова "И дольше века длится день".

Миша много занимался, очень много читал. Круг его интересов был необычайно широк, он увлекался историей, политикой, филологией, лингвистикой, изучал самостоятельно иностранные языки. Часто, когда ему попадалось что-то особенно интересное, что поражало его воображение, он рассказывал мне. Во время учебы в школе приготовление школьных уроков занимало у него минимум времени, это как правило, было ему неинтересно, т.к. по гуманитарным предметам Мишины знания часто значительно превышали как школьные требования, так и возможные знания некоторых учителей, а школьные задания по физике и математике были для него слишком легкими. Тем не менее Миша много занимался физикой и математикой сверх школьной программы, любил решать задачи повышенной трудности, иногда ходил на занятия математических и физических кружков, участвовал в физических и математических олимпиадах, которые проводил Московский Университет.

Уровень этих олимпиад был очень высок, их нельзя было сравнить с обычными городскими олимпиадами, которые проводило министерство просвещения. Университетские олимпиады проводились, как правило, в три тура по воскресеньям, так что обычно все воскресные дни в марте-апреле у Миши были заняты олимпиадами. Он успешно выступал и по физике и по математике и получал как правило одну из первых трех премий (призерами были обычно несколько человек) и приходил домой с наградой - стопкой книг по данному предмету.

Как многие подростки в то время, Миша увлекался коллекционированием марок, он собрал замечательную коллекцию, которая к сожалению пропала, когда мы уезжали в Израиль. Но его коллекционирование никогда не носило коммерческий характер, каждая марка имела свою историю, многие также отражали историю своих стран, получение колониями независимости в бурные 50-е, 60-е годы, политические путчи, революции, войны, изменение границ, денежные реформы - все это отражалось в марках. Миша знал это в деталях и мог рассказать массу интересного.

Увлёкся фотографией, и в тесноте, в нашей комнате в коммунальной квартире, под столом, завешанным со всех сторон одеялами, проявлял пленку с узкоплёночного немецкого фотоаппарата, а потом сам печатал фотографии. Эти черно-белые маленькие фото сейчас для нас особенно дороги.

Занимался шахматами, но недолго и хотя был даже какой-то период чемпионом школы, что не так уж мало, т.к. в то время шахматы были очень популярны, и многие способные ребята занимались ими всерьез, но

видимо, не хотел посвящать шахматам слишком много времени. Миша и так целыми днями занимался умственным трудом и считал, что если уж уделять время спорту, то такому, который дает физическое развитие. Миша вообще считал, что спортом нужно заниматься обязательно, но в то время в спортивные секции принимали только особо талантливых, практически существовал только профессиональный спорт, т.е. требовалось посвящать ему все силы и время, и заниматься чем-то еще всерьез было почти нереально. Бросить все свои увлечения ради спорта Миша не мог. Он несколько лет занимался фехтованием и показывал мне дома, как надо фехтовать и объяснял правила, но все-таки в конце концов оставил спортивную секцию. Правда дома все время занимался с гантелями с книжкой по гантельной гимнастике, разработал сам для себя комплекс упражнений для развития разных групп мышц.

А несколько лет назад мой сын, когда он был того же возраста, что и Миша тогда - лет 15-ти - взял гантели и начал заниматься, я вспомнила Мишины упражнения и его гордость, с которой он тоже показывал мне крепкие мускулы на руках. Я рассказывала Мише о занятиях сына, и мы вместе вспоминали как в нашей тесноте ему приходилось быть осторожным, чтобы размахивая гантелями не разбить случайно что-нибудь, а я должна была сидеть в каком-нибудь безопасном углу и могла только смотреть на него. Правда, обычно Миша старался заниматься гантелями, когда по радио передавали что-то интересное, и он все равно не мог решать свои задачи, я тоже слушала радио, так что усидеть на месте мне было нетрудно.

Когда Мише было лет 16 мы с мамой поехали летом отдыхать в симпатичный курортный городок в Литве - Друскининкай. Как-то во время купанья в реке Неман меня понесло сильное течение, я стала захлебываться и тонуть. Но испугаться по-настоящему не успела, меня быстро вытащили на берег, и Миша решил, что необходимо научить меня плавать. Когда сам Миша научился, я не знаю, наверное, его научил папа, когда он был маленький, у меня тогда этот вопрос не возникал, просто Миша - это старший брат, который знает все и умеет все. Меня он тоже научил довольно быстро, и потом много лет я регулярно ходила в бассейн, сначала в спортивную секцию, потом мы вместе ходили по платному абонементу, а потом, когда Миша работал в ИТЭФ (Институт Теоретической и Экспериментальной Физики), он ходил вместе со мной на занятия в плавательную секцию института. Мы даже участвовали в соревнованиях по плаванию за команду ИТЭФ, правда с кем мы соревно-

вались тогда, я не помню.

Бывало, что Миша узнавал что-то, что поразило его воображение или просто понравилось и заинтересовало его. В этих случаях он любил делиться со мной тем новым, что узнал сам, но всегда делал скидку на возраст и рассказывал так, что мне никогда не было скучно или неинтересно. Миша советовал мне, какие книги читать и в какой последовательности. Например, говорил что не стоит читать несколько книг того же писателя подряд, чтобы не притуплялось восприятие.

Вообще, Миша очень серьезно относился к моему воспитанию. Он даже ходил в школу на родительские собрания вместо родителей. Училась я хорошо, и особых претензий у учителей ко мне не было, разве что иногда замечания по поводу болтовни на уроках. Мишу это очень возмущало, на мои возражения, что мне скучно на уроке, он всегда говорил, что нужно просто использовать время урока для самостоятельных занятий. По гуманитарным предметам можно читать книги по этому же предмету, а в крайнем случае даже учебник, избежавшись от необходимости делать дома устные уроки. Это сейчас, когда у меня уже выросли собственные дети, я знаю как трудно в детстве, а особенно в подростковом возрасте, удержаться от болтовни и смеха с ровесниками, а тогда я очень переживала из-за собственной никчемности и невозможности достичь Мишиного идеала.

К моим попыткам заняться рукоделием: шитьем, вышиванием, вязанием относился немножко снисходительно, но все-таки с уважением. Что он совершенно не выносил - это ничего-не-деланье, но мне кажется, что у нас была такая насыщенная жизнь, было так много интересного, что просто не оставалось времени для праздности.

Миша всегда был готов помочь мне в учебе, если нужно было что-то объяснить, но старался, чтобы я не привыкала к помощи и делала все сама. Только если все возможности были уже исчерпаны, а я так и не решила проблему, я просила Мишу помочь, тем более, что мне и стыдно было обращаться к нему с глупыми вопросами и мешать его работе. Так я училась пользоваться энциклопедиями, словарями, справочной литературой, иногда Миша просто подсказывал мне, где можно найти ответ на интересующий меня вопрос.

Я тоже любила делиться с Мишей всем новым и необычным, что узнавала. Это осталось на всю жизнь. Потом, когда у каждого из нас уже появились свои семьи и не удавалось достаточно часто встречаться, нам необходимо было хотя бы по телефону обменяться мнениями о про-

исходящих событиях или рассказать друг другу о каких-то интересных вещах, прочитанных в книгах и поразивших воображение.

Удивительно, но с годами Миша совсем не приобрел спокойную рассудительность зрелости, его мироощущение осталось молодым и острым, реакция на происходящее очень эмоциональна. У него было очень развито чувство справедливости, он моментально ощущал нечестность, подлость и фальш. Но никогда не опускался до мелких дрызг. Советовал мне, если я переживала из-за того, что кто-то поступил непорядочно, просто больше не общаться с этим человеком. Я и сейчас мысленно советуюсь с ним, представляю как бы он оценил ту или иную ситуацию и как бы отреагировал. Для меня - он самый высший авторитет.

В нашей жизни в те годы можно было легко оказаться в положении униженного, стать объектом издевательств, как правило связанных с еврейством. Этого Миша не готов был терпеть, он учил и меня гордиться своим еврейством, а не стыдиться его и не пытаться скрывать. Он переживал нашу историю, полную гонений и несчастий, так как будто это все случилось в наше время с ним самим. Восхищался евреями, которые пытались защитить свое достоинство, рассказывал мне, например про восстание Бар-Кохбы и про отряды еврейской самообороны, которые были организованы в некоторых городах и местечках во время погромов.

Сколько себя помню, Израиль всегда был для нас несбыточной мечтой - местом, где евреи могли быть полноценными людьми, избавиться от комплексов галута. Наш папа рассказывал о своих двоюродных братьях, которые были высланы из советского коммунистического рая за сионизм и таким образом смогли попасть в Палестину еще в 20-е, начале 30-х годов. Один из них, который не уехал во-время, и смог уцелеть во время 2-й мировой войны, эвакуировавшись вглубь России, после войны был посажен за сионизм и отсидел в советских лагерях много лет. Наверное, если бы папа был совершеннолетним в 20-е годы, он бы тоже уехал.

В начале 60-х годов Миша обнаружил в Ленинской библиотеке самоучитель иврита, выпущенный еще в царской России в начале 20-го века. Получить книгу на дом было нельзя, но можно было заказать фотокопию (в виде диафильма). Миша сделал такую копию, и мы с ним учили иврит с помощью диапроектора, который остался у нас с детства. Тогда же Миша купил в книжном магазине только что вышедший иврит-русский словарь Шапиро, который вскоре стал библиографической редкостью. Мы занимались тогда больше для собственного удовольствия, не думая о возможности когда-нибудь практически применить эти знания. Кстати,

учебник (автор Риклис) был выпущен еще до реального возрождения иврита к жизни, и мы учили ашкеназит - иврит в ашкеназийском произношении, который впоследствии не был принят в Палестине, победил сефардский вариант.

В 67-м году во время шестидневной войны, мы жили известиями с фронта, очень радовались и гордились победами Израиля, папа не отходил от радиоприемника, пытаясь расслышать сквозь глушилки радиостанции голос Израиля, БиБиСи, голос Америки. Вообще, я с детства привыкла к тому, что дома у нас свой мир, очень отличающийся от окружающего нас, и будучи ребенком уже знала, что то о чем говорят дома, не обсуждается ни с кем, даже с самыми близкими друзьями, хотя мне никто никогда ничего не запрещал и не объяснял. Миша с папой всегда обсуждали происходящие события, опираясь на информацию, полученную из иностранных радиопередач и извлеченную из советских газет методом "чтения между строк". В царстве лжи, в котором мы все жили, нам удавалось сохранять свою внутреннюю свободу.

Миша закончил школу с золотой медалью, но вопрос о том куда поступать, был не так уж прост. Было известно, что многие ВУЗы, и в том числе университет, закрыты для евреев. По своим способностям Миша безусловно был достоин учиться в самом лучшем учебном заведении, и он решил все-таки попробовать поступить в университет. Медалисту достаточно было успешно пройти собеседование, чтобы быть принятым. Если срезались на собеседовании, оставалась еще возможность поступать на общих основаниях. При этом экзамены в университет были немного раньше, чем в других ВУЗах и можно было в случае провала попробовать поступать еще в какой-нибудь другой институт.

С Мишей произошел интересный эпизод. После собеседования немного задержались с объявлением результатов, и папа пошел в приемную комиссию. Папа, сам преподаватель ВУЗа (он преподавал на радиотехническом факультете Энергетического института), обратился к одному из преподавателей, сидящих в приемной комиссии, объяснил, что он сам тоже преподаватель ВУЗа и спросил, каковы Мишины шансы. Папа очень волновался, он почти не верил, что Мишу примут в университет, и хотел успеть подать документы на собеседование медалистов в другой институт. Преподаватель из приемной комиссии был очень внимателен, он достал Мишино дело, открыл, и внимательно посмотрев папе в глаза, сказал: "Я советую вам забрать документы". Какое счастье, что папа не послушался его совета! Он сумел понять, что "советчик" не доброжелатель, а просто

антисемит, который любым способом старается не допустить еврея.

Позже, когда стало известно, что Миша принят, папа опять зашел в приемную комиссию. Секретарша открыла папку с Мишиными документами, и там папа увидел резолюцию: "Принять в первую очередь" – Миша прошел собеседование блестяще! Это был знаменитый 1956 год, после 20-го съезда партии, когда казалось, что немного пошатнулись устои империи, и хотя о демократизации думать еще было рано, но по крайней мере конкурс в университет был сравнительно объективным. В тот год было принято небывалое число евреев, потом правда все вернулось к прежнему состоянию.

Во время учебы в университете, так же как и в школе, Миша много времени проводил дома, за письменным столом. Он довольно быстро разобрался, какие лекции стоит посещать, а какие можно без ущерба пропустить, используя освободившееся время более эффективно для самостоятельных занятий. Конечно, для университетских занятий уже не хватало тех книг, которые имелись дома, так что приходилось иногда заниматься в библиотеке. Миша всегда изучал предметы, которые его интересовали, гораздо шире и глубже, чем того требовала учебная программа, я не помню, чтобы он специально готовился к экзаменам во время сессии, т.к. видимо сдавал экзамены с большим запасом, интенсивно занимаясь в течение всего семестра. Я не помню, чтобы Миша ходил на какие-то вечеринки ни в старших классах школы, ни в университете. И не потому, что у него не было друзей или своей компании, а просто, видимо, для него это было неинтересно.

Зато он очень любил походы, причем достаточно тяжелые физически. Перед каждым походом собирались друзья, выбирали маршрут, распределяли обязанности, закупали необходимые продукты и аммуницию. Особенно много было походов на байдарках по порожистым рекам в Карелии, Литве и Коми, но Миша ходил также и в серьезные зимние походы на лыжах. Помню один на Кольский полуостров, в котором он чуть не отморозил ноги. Когда я подросла, Миша стал брать в походы и меня, если маршрут был не слишком труден. Когда я вспоминаю те годы, то в первую очередь вспоминаются походы, наверное, ничего увлекательнее в моей жизни не было.

Тогда же я познакомилась с Мишиными друзьями, замечательными людьми, с кем-то из них он учился в университете, с другими работал вместе в ИТЭФе. (С некоторыми из них у меня до сих пор сохранились очень теплые отношения). В одном из таких походов я встретилась с

молодой парой Инной и Сашей Долговыми. Мне кажется, им было тогда чуть больше 20-ти лет, они только что закончили ФизТех, и Саша начал работать в ИТЭФе. Потом на протяжении всей жизни они были рядом, после Мишиной женитьбы подружились семьями, в тяжелые годы отказа их поддержка была особенно ценна. После нашей репатриации в Израиль Миша смог видаться с ними только изредка, когда оказывался вместе на каких-нибудь международных конгрессах или семинарах. Но как Миша радовался, когда представилась возможность для Саши приехать на несколько месяцев поработать в институте Вайцмана в Реховоте!

И в тот страшный год, когда Миша заболел, они должны были приехать в Израиль уже во второй раз. Миша их очень ждал и все сетовал, что плохо себя чувствует, никак не придет в форму, а ведь у него были планы опять, как и в первый их приезд, поехать вместе по стране, показать интересные места, которые он так любил. Эти планы осуществить не удалось, Мишу уже свалила болезнь, и опять Саша и Инна были рядом в такое тяжелое для нас время и очень поддерживали нас.

А тогда, почти сорок лет назад, мы начали поход вчетвером на двух байдарках: Саша с Инной и я с Мишей. Нам было хорошо и весело, мы плыли по красивейшим рекам Литвы и Белоруссии. Чуть позже к нам присоединились еще две байдарки: семья Терентьевых и супруги Юрий Симонов и Алла Бадалян. Замечательные, интеллигентные, глубоко порядочные люди, Миша все годы очень ценил их дружбу.

В одном из походов по рекам Карелии случилось несчастье. Миша на привале случайно разрубил себе ногу топором. Ранение было серьезным, ближайшее жилье очень далеко, а дорог нет. Двое Мишиних товарищей по университету, Д. Никифоров и тоже уже покойный В. Никольский, добрались пешком до ближайшей деревни и уговорили полупьяного шофера подъехать как можно ближе к месту привала. Нужно было как-то доставить Мишу до машины по-бездорожью, и мы по очереди несли его. Все понимали серьезность положения, но старались не подавать вида, и даже пытались шутить, чтобы разрядить напряжение. Путь до больницы занял несколько часов и к концу, уже в машине, Миша терял сознание от потери крови. Но за все время он ни разу не пожаловался на боли, а только все время переживал, что доставил столько хлопот своим товарищам. А потом ему сделали операцию в деревенской больнице, и когда он немножко поправился и мы наконец смогли вернуться в Москву, Миша очень переживал, что "испортил" мне поход.

В 57-ом был самый разгар Хрущевской программы освоения целины,

и Миша после первого курса университета вместе со всеми своими сокурсниками отправился на летние работы в Кустанайскую область, не очень далеко от Семипалатинска. Уезжал он охотно, ему даже в голову не приходило как-нибудь устроиться, чтобы избежать этой поездки. Тяжелого физического труда он никогда не боялся, отсутствие комфорта тоже не пугало, даже пожалуй, наоборот - для Миши это было испытание, которое он хотел пройти, ну и конечно, как всегда, было интересно увидеть новые места, людей, совсем другой мир. Впервые Миша уехал из дома так надолго, мы очень скучали, но письма с целины приходили оптимистичные, он как-будто был доволен.

Я не помню сейчас, чтобы Миша рассказывал по приезду об особом атмосферном явлении, которое они наблюдали в своем целинном совхозе. Только заболев, он описал нам необыкновенно красивое свечение неба, поразившее их тогда, напоминающее северное сияние, которое конечно, невозможно видеть в тех широтах.

Но я очень хорошо помню, как Миша приехал. Он сошел с поезда загорелый, но сквозь загар видно что побледневший, с бородкой, которую там отпустил, и со своей чудной, чуть виноватой улыбкой. На наши вопросы о здоровье, сказал, что все было замечательно, вот только под конец как назло немножко заболел гриппом. После нескольких дней дома, когда слабость и неважное самочувствие не прошли, мама - врач - заставила Мишу сделать анализ крови. Она никак не могла понять, что происходит, говорила, что это какой-то странный грипп. Никто даже понятия не имел о том, что в Семипалатинске находится ядерный полигон и там проводят испытания, а Мишин "грипп" был настоящей лучевой болезнью, и формула крови была изменена соответствующим образом. Только через много лет стало известно, что как раз в то время там был произведен испытательный взрыв. И бедные студенты, которые занимались никому не нужной работой по разрушению экологического баланса тех областей, получили очень сильную дозу облучения. Миша был уверен, что именно этот эпизод положил начало его заболеванию, т.к. слишком большое число его сокурсников в последствии в разное время заболевали злокачественными заболеваниями и многие из них рано умерли. Очень вероятно, что это так, потому что у Миши развился рак легких, хотя он никогда в жизни не курил. Возможно, если бы курил, то болезнь уже давным давно убила бы его.

Кстати, Миша решил, что никогда не будет курить после того, как папа предложил ему попробовать еще в подростковом возрасте, когда

всем мальчишкам уже так хочется быть как взрослые. Папа справедливо рассудил, что лучше он сам предложит сыну попробовать сигарету, чем первый опыт будет произведен в компании одноклассников, когда стыдно отказаться, а потом все засмеют, если закашляешься от первой затяжки. Папа объяснил как надо затягиваться, практически научил Мишу курить. Попробовав курить по-настоящему, Миша убедился, что это совсем не доставляет ему удовольствия, на что папа и рассчитывал, это было как вакцинация от болезни.

Тогда же после Целины Миша стал постепенно поправляться, хотя все потом говорили, что от его роскошной, буйной, неукротимой шевелюры осталось до обидного мало. И все-таки Миша вспоминал потом лето, проведенное на целине с удовольствием, с юмором рассказывал о всяких забавных случаях, с большой теплотой вспоминал своих друзей, особенно Борю Воронова.

На последних курсах учебы в университете произошла интересная и довольно характерная история. Было объявлено о наборе студентов в группу изучения французского языка с тем, чтобы после окончания университета определенное число из них можно было послать преподавателями в университеты в Гану. Советский Союз всячески старался помочь странам недавно получившим независимость и попутно преследовал разные другие цели. Миша тоже был принят в эту группу. Я помню разговоры дома о том, что это бесполезно, все равно его - еврея не пошлют за границу, и вся затея - пустая трата времени и напрасное разочарование. На это Миша отвечал, что конечно не пошлют, но зато он имеет возможность учить французский на самом высоком уровне. Он занимался языком с большим удовольствием, продвигался очень быстро, и я помню как мы ходили с ним на ул. Веснина (в районе Арбата) в магазин французской книги и он покупал там и заказывал книги прямо из Франции, что по тем временам было достаточно нестандартно (конечно же, заказать можно было далеко не любую книгу, но все равно это было замечательно).

И все-таки была сумасшедшая надежда, а вдруг пошлют! Ведь приняли же в группу, обучают, должна же быть какая-то логика, а может быть времена начинают постепенно меняться, хотя здравый смысл подсказывал обратное. И действительно, чуда не произошло, не послали. Миша даже поспорил со своим товарищем Валерием Носовым, утверждая, что ни про какой ситуации за границу его не пошлют (Миша был бы рад проиграть в этом споре), а В. Носов недоумевал, говорил, что даже если нужно будет послать только одного человека, то это должен быть Миша, потому что

он не просто лучший в их французской группе, но он находится совсем на другом уровне, и нет никого, кого бы можно было с ним сравнить. Спор Миша естественно, выиграл, а В. Носов был смущен, и мне кажется, даже испытывал чувство неловкости от того что он сам в Гану поехал. Но независимо ни от чего они, конечно, остались добрыми друзьями, и Валерий встречался с Мишей, когда приезжал в отпуск и потом, когда закончил там свою работу, и рассказывал о своих впечатлениях.

Заканчивая университет, Миша колебался, какое направление исследований выбрать, я помню, как он советовался об этом с папой. Еще студентом Миша сдал знаменитый "минимум Ландау", который за все годы сдали менее 50-ти человек. Это были несколько встреч с Л.Д. Ландау. Каждый раз Миша получал одну или более задач, на решение которых уходило несколько дней, а иногда и недель (я не знаю, ограничивалось ли время решения), потом возвращался с решенными задачами к Ландау и получал следующую "порцию". В каком-то смысле это напоминало олимпиады, когда на каждом туре часть участников отсеивается. Миша успешно прошел все этапы и по правилам мог бы начать научную работу под руководством Ландау. Причем, насколько я помню, он был один из самых молодых, если не самый молодой, из тех, кто прошел все этапы экзаменов у Ландау, т.к. большинство экзаменуемых были уже закончившие ВУЗ молодые физики. Миша же начал заниматься научной работой еще будучи студентом. Он пробовал разные направления в поисках наиболее интересного для себя. Было очень престижно начать научную работу под руководством самого Ландау, но Миша все-таки, поколебавшись, выбрал теоретический отдел ИТЕФа, тематика которого его интересовала больше.

Работа в ИТЕФе была очень интересной и продуктивной. Это была настоящая научная работа, а не "делание" диссертации. Даже более того, когда уже было ясно, что материала на кандидатскую диссертацию уже более чем достаточно и нужно было взяться за оформление, Миша все время откладывал это, потому что он был в разгаре написания какой-нибудь интересной статьи или решения какой-то проблемы. Мы смеялись, что наверное он решил съэкономить время на одной защите и защищать сразу докторскую.

Статьи уходили в физические журналы, иногда поступали приглашения на конференции или семинары за границей, но выехать из Союза было совершенно невозможно. Миша очень переживал, при бурном развитии физики в те годы, ученым было необходимо общаться не только через

публикации, но и лично. Этого советские физики были практически лишены, они варились в "собственном соку", общаться с иностранными физиками можно было только тогда, когда те приезжали в Союз, а это были единичные случаи.

Кроме естественного профессионального желания участвовать в интересных конференциях и семинарах в разных странах, Миша еще мечтал увидеть мир. Он так много читал и знал о культуре, языке и истории многих народов, что ему конечно хотелось увидеть все своими глазами. Мы с ним не раз обсуждали вопрос выбора профессии. Я спрашивала, почему Миша выбрал именно физику. Он отвечал полуплутиливо, что всегда хотел докопаться до самых истоков устройства мира, и действительно, занимался основой основ - элементарными частицами. Но как-то Миша говорил, что живи он в другой стране и не будучи ограничен в выборе, он возможно, выбрал бы совсем другое направление, к примеру, международные отношения. Я уверена, что он мог бы стать, блестящим дипломатом. Или даже успеть сделать две карьеры, как например израильский физик Юваль Нееман. Еще в Москве Миша мне с восхищением рассказывал о том как человек, построивший удачную военную карьеру, в 40 лет увлекся физикой, получил физическое образование и в сравнительно короткий срок стал физиком мирового масштаба. Но в Советском Союзе этот путь для еврея был закрыт, так же как и многие другие гуманитарные направления, оставались точные науки, в которых научные достижения хоть в какой-то мере могли оцениваться объективными критериями. Но кроме этого, на выбор Мишей именно физики повлияло я думаю то, что в школе физику преподавал замечательный человек и прекрасный преподаватель - Виктор Леонидович Раскин, к сожалению тоже очень рано умерший от рака. У него же кстати через пару лет после Миши учился В. Захаров, который тоже стал впоследствии успешным физиком, и поддерживал с Мишей тесный контакт. А потом аналитический образ мышления и блестящее владение математическим аппаратом определили выбор Мишей именно теоретического направления.

Но вообще, Миша убеждал меня, что в любой специальности можно найти что-то интересное и увлечься работой. Это во многом зависит от человека, и вместе с тем в любой самой романтической специальности кроме вдохновения, творчества, всегда приходится много заниматься однообразной скучной ("черной") работой: например, скрупулезная запись наблюдений в процессе эксперимента или аккуратное математическое доказательство или расчеты в теоретической работе, обработка литера-

туры, ссылки и т.д. Миша считал, что ученый, конечно, должен прежде всего обладать развитым воображением, но кроме того, еще и способностью к непрерывной кропотливой работе. Единственное, что Миша отвергал - это дилетанство, поверхностность. Помню как он говорил, что нет такого: знал но забыл. Значит не знал, в свое время не вдумался, не понял достаточно глубоко. Его восхищал профессионализм в любой области. При его широкой образованности, он никогда не позволял себе давать суждения о вещах, которые знает неточно.

Миша был очень скромн, до аскетизма в своих бытовых потребностях, ему всегда жалко было тратить время и душевные силы на такие неважные для него проблемы как добывание какой-то особенной мебели или модной одежды, главное для него было письменный стол, бумага, ручка и возможность работать. Кстати о письменном столе. У нас дома был очень хороший большой и удобный письменный стол с двумя тумбами с ящиками. Когда мы жили в маленькой комнате в коммунальной квартире, Миша спал на раскладушке, а я на подвесной кровати как в вагоне, так что на день наши спальные места убирались. Но нам никогда не приходило в голову, что можно избавиться от письменного стола или заменить его на меньший. Просто это было самое главное рабочее место. За ним папа готовил свои лекции, мама - врач-невропатолог - работала со своими медицинскими книгами, когда попадался сложный случай, Миша занимался, а со временем и я подключилась делать уроки. Потом переехали в отдельную квартиру, стало немножко больше места, и стол конечно же переехал с нами. А потом Миша женился и поселился с семьей в своей собственной квартире. Ему очень не хватало хорошего письменного стола. Такого же как у нас купить было невозможно, и Миша через несколько лет сам сделал себе замечательный большой стол, хотя это совсем непростая столярная работа. Миша и в столярном деле был верен себе, он сделал все очень тщательно и аккуратно: ящики выдвигались, дверцы открывались и закрывались, и Миша гордился, что все получилось как надо на профессиональном уровне. Когда уезжали, было жалко, что нельзя взять этот стол с собой.

Когда стали немного приоткрываться ворота и появилась какая-то возможность уехать в Израиль, Миша оказался перед тяжелой дилеммой. Мы с ним знали, что наши родители не смогут выехать, т.к. у папы была высокая форма секретности. И хотя ни мама ни папа никогда не высказывались против нашего отъезда, но мы понимали, что если мы уедем, то это будет разлука навсегда, и это будет убийственно для

родителей, слишком тесно мы были все друг с другом связаны. Через несколько лет стало ясно, что папа неизлечимо болен, и мы перестали обсуждать вопрос о нашем отъезде, хотя все время напряженно следили за тем, что происходит: первый и второй ленинградский процессы, борьба отказников и т.д.

В начале 70-х годов выехали несколько Мишиных товарищей и соучеников. Один из них - Д. Рогинский, впоследствии ставший профессором Еврейского университета в Иерусалиме, помог нам разыскать семью папиных родных и наладить с ними связь. Один раз на международную конференцию в Москву приехал в составе израильской делегации наш кузен д-р. Ури Маринов. Мы встретились с ним дома у Миши.

Потом, когда папы не стало, мы подали документы на выезд. Хотели уехать, но только все вместе, мама, семья Миши и моя семья. Трудно было предугадать, как будут разворачиваться события. Нам пришлось провести восемь тяжелых лет в отказе, прежде чем удалось выехать в Израиль. Все эти годы Д. Рогинский поддерживал с нами постоянный контакт и очень помогал нам. Он обращался в разные общественные и правительственные организации с просьбой помочь нашим семьям получить разрешение на выезд из СССР и репатриироваться в Израиль. Д. Рогинский вместе с нашим родственником, тоже профессором физики Еврейского университета Амном Мариновым, с которым мы тогда еще были знакомы только заочно, даже обратились в 82 г. к тогдашнему президенту США Рональду Рейгану с просьбой о содействии. Но стена была непробиваемой, и только весной 87 г. мы прилетели в Израиль, все вместе, в одном самолете как и хотели.

Наконец познакомились с родными, израильской ветвью семьи Мариновых, о которых так много рассказывал папа. Миша даже передал неизвестную им ранее историю происхождения фамилии, которую помнил с папиных слов. Особенно тепло нас принял уже знакомый нам Ури Маринов и семья Амнона Маринова с его замечательной женой Рахелью.

Я думаю, что в любом израильском университете с удовольствием бы приняли Мишу на работу, он был хорошо известен в мире в своей области. Но ученому его уровня не могли предложить меньше, чем профессорскую должность. Такие места редко бывают вакантными, особенно трудно в Израиле, где количество университетов ограничено. По-видимому, Миша без труда мог бы получить приглашение работать в США или в какой-нибудь европейской стране, но он хотел найти место обязательно в Израиле. Примерно через год после приезда, поработав немного в Еврей-

ском университете в Иерусалиме и в колледже в Ариеле, Миша получил позицию в Хайфском Технионе. Помню как еще в Москве папа высоко оценивал научный уровень Техниона, как бы он был горд, если бы дожил до того времени, когда Миша стал там полным профессором!

Жалко было только, что нужно уехать из Иерусалима, но поселившись в Хайфе и узнав ее получше, Миша влюбился в нее. Во время работы в Израиле Миша наконец-то смог ездить на семинары, конференции и для исследовательской работы в другие страны. Но уже много поездив и повидав, он сказал мне как-то, что Хайфа один из красивейших городов мира, если не самый красивый, правда оговорился, что Иерусалим вне конкуренции (кроме всего прочего, не хотел также обижать нас - иерусалимцев). Хорошо помню, как мы ехали с ним в последний раз в больницу. Он попросил меня ехать длинным путем, нам не хотелось торопиться, мы все понимали, что надежды на улучшение уже нет. Но Миша как всегда был очень сдержан, он не допускал никакого драматизма, просто выбрал такой маршрут, чтобы по дороге мы все могли еще раз полюбоваться видом на Хайфский залив, на Бахайские сады сверху и всей панорамой города.

Несмотря на то что Миша достиг многого о чем мечтал: он вел исследовательскую работу, преподавал, причем вскоре после начала работы в Технионе читал лекции на иврите (хотя мог бы и на английском), несколько докторантов под его руководством успешно защитили диссертации, но все равно Миша был часто недоволен собой. У него была масса идей, он искал пути решения многих проблем, и на все это катастрофически не хватало времени. Преподавание, которое он так любил и которому придавал такое большое значение, отнимало много времени и сил. Перфекционист во всем, он был очень требователен к себе, и поэтому с большой тщательностью готовился к каждой лекции, даже если читал какой-нибудь давно устоявшийся курс из классической физики.

Я не помню, чтобы он когда-нибудь брал отпуск в общепринятом понимании этого слова, т.е. проводил долгое время в полном отрыве от своей работы. Даже в выходные и в праздники урывал несколько часов для того, чтобы пойти поработать. Миша как-то говорил, что ему грех жаловаться на судьбу: утром он с удовольствием спешит на работу, т.к. занимается вещами, которые его очень увлекают, а вечером спешит домой к любимой семье. Он так гордился своей семьей: красавицей женой, неутомимой Лилей, старшей Машей, которая уже начала делать докторат в Технионе, младшей Диной, когда она стала офицером Израильской

армии! Многие могли бы ему только позавидовать, но у него все равно было ощущение, что он многого не успевает. И действительно, годы работы в Технионе пролетели слишком быстро, напряженная интенсивная работа, поездки за границу и связь с другими физиками в мире, как обидно, что все это пришло слишком поздно.

Как больно, что Миша так многого не успел!